

ЖЖВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 40

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выдастъ 8-го октября 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ кн. 43.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

съ достав- кой в Лите- р... ..	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ И. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.	7 р. 25 к.	Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевская, 12.	7 р. 50 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургѣ . . .	7 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи.	8 р.	За гра- ницу.	12 р.
--------------------------------------	-------------------	---	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	--	-------------	-----------------------------	--------------

ПОДПИСКА ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СІБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СІБ. 2 р., съ перес. и новгороднымъ 2 р.

Испорченная натура.

Повѣсть

и. М. В. Волконской.

(Продолженіе).

О. Николай снова об-
сѣ всю церковь взгля-
нуть. Выраженіе безгра-
мотно- доброе вспыхнуло
въ его глазахъ и преобра-
зило его изнуренное бо-
лезненно лицо.

— Развѣ въ церковь,
въ храмъ нельзя внести
скамьи и доску и сѣсть
здесь?—спросилъ онъ:—
или мебель изъ гостиной
сѣсть въ гостиную, или
столовую, или что угодно:
кладовую, контору, ам-
баръ? Развѣ никогда ни-
кто не осквернялъ церковь?
Развѣ въ Москвѣ, въ двѣ-
дцатомъ году непріятель
превратилъ наши церк-
ви въ конюшни?.. Чело-
вѣку дана всякая внѣш-
няя власть на землѣ. Одно-
му онъ не можетъ: измѣ-
нить какой-нибудь законъ
природы, божескій законъ.
Человѣкъ можетъ превра-
тить церковь, зданіе церкви
въ хлѣвъ, — если ему это
благоразсудится, но окна
на востокъ всегда оста-
ются слѣдами человѣче-
скаго безсилія, слѣдами,
называемыми на то, чѣмъ
раньше было зданіе... Такъ
и душа. Человѣкъ можетъ
проморозить и загрязнить
чѣмъ угодно, но окна
Богу всегда останутся

У калитки. Картина Р. Вейда, илт. «Нивы».

въ этой душѣ... и свѣтъ, если даже ихъ заколотить досками, пройдетъ сквозь щели треснувшихъ, сгнившихъ досокъ!..

«Помолимся...»—закончилъ новый священникъ.

Много толковъ, споровъ, толкованій и умозаключеній вызвала въ пріютѣ эта рѣчь. Нѣкоторые хвалили ее, другіе находили, что она не для пріютянокъ, но когда на слѣдующій день батюшка пришелъ на урокъ въ старшій классъ и, узнавъ, что съ о. Дмитриемъ остановились на исцѣленіи дочери хананейки, — спросилъ: «Какъ кто думаетъ, что должно было случиться въ жизни хананейки. Какой переломъ послѣ выздоровленія дочери?»—и сталъ описывать этотъ духовный переломъ, говорить, какъ хананейка должна была измѣнить всѣ свои мысли, обычаи, привычки, вѣрованія, словомъ, стать христіанкой; когда потомъ перешелъ къ тайному ученику Христа, Никодиму, и описалъ, что случилось съ нимъ, съ его семьей, дочерью, богатствомъ... толки, споры, толкованія и умозаключенія—обострились до того, что весь пріютъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи.

Однѣ, и между ними почти всѣ воспитанницы, были на сторонѣ о. Николая, восхищались имъ, передавали его рассказы изъ устъ въ уста. Другія стали на сторону о. Романоглѣбскаго, пересказали ему содержаніе проповѣди и перваго урока новаго священника, и обвинили о. Николая чуть не въ протестантской ереси.

Неизвѣстно, кто написалъ на него доносъ...

Въ лазаретъ тоже проникли рассказы о новомъ священникѣ, но Анютка не приняла въ нихъ участія. Они ей были неинтересны, непонятны. Вдобавокъ, батюшка, по желанію начальницы (ожидавшей отъ него, такъ же какъ и многія другія, чуть ли не чудесъ), пріиди навѣстить больныхъ въ лазаретъ, прошелъ къ Кустовой, долго бесѣдовалъ съ ней, и на слѣдующій день причастилъ ее, но на остальныхъ, и между ними Данилову, не обратилъ вниманія: просто благословилъ и, не сказавъ ни одного проникновеннаго слова, ушелъ, видимо чѣмъ-то озабоченный, разсѣянный, задумчивый и усталый.

V.

Вновь наступало Рождество, а съ нимъ вновь и ожидаемый весь годъ балъ. Воспитанницы попрежнему радостно-возбужденно готовились къ нему; родители и благодѣтели попрежнему присылали, приносили и привозили въ пріютъ дешевенькія матеріи, ленты, цвѣты и другія нужныя вещи для костюмовъ и снова, громко не высказываясь, многія охали, а иныя и ругались, что это *требуется* въ заведеніи. Не говорилось: кѣмъ требуется, а просто: «требуется», но всѣ понимали, что это значитъ, и, не желая отстать другъ отъ друга, дѣвочки вносили дань. Нѣкоторыя дамы-благодѣтельницы громко заявляли, что «эти траты просто развратъ», и... дѣлали какъ всѣ.

Кустова такъ ослабѣла, что конца ея ждали со дня на день, но она тянула и все еще строила для себя планы и проекты въ будущемъ.

Въ комнатѣ ея и особенно у кровати, гдѣ стояли плевательницы,—запахъ отъ мокроты былъ невыносимый. У Анютки медленно зрѣлъ холодный нарывъ у плеча. Докторъ утверждалъ, что внутри уже полно гноя. Температура временами поднималась за 38, и всѣ знали, что предстоитъ операція, но внѣшне ничего не было замѣтно на тѣлѣ: кожа безъ красноты, гладкая, и при надавливаніи боли не ощущалось. Анютка, выросшая, осунувшаяся, сильно похудѣвшая и поблѣднѣвшая, съ неестественно для нея скорбными, тусклыми глазами, точно подернутыми пеленой, не лежала, а все еще бродила въ тепломъ платкѣ по лазарету.

Въ сочельникъ всѣмъ, кто могъ одѣться, принесли платья и повели въ церковь. Повели и Анютку, и странное удовольствіе почувствовала она (какъ чувствуютъ вообще больные), когда надѣла прежде такъ не-

правившееся ей пріютское форменное платье, передникъ, рукавички и пелерину.

Служилъ новый священникъ. Пѣли воспитанницы. Всѣ свѣчи, паникадила, лампады и даже люстра были зажжены, и всѣ присутствующіе казались Анюткѣ такими веселыми, довольными, здоровыми, красивыми, что вдругъ ей стало чего-то безгранично жаль и страстно захотѣлось быть такъ же здоровой, *какъ всѣ*, захотѣлось, чтобы отвязались эти противныя раны на ногахъ... Крестьянка она съ трудомъ встала на колѣни и о чемъ-то заплакала...

Наступилъ день бала. Къ Анюткѣ наканунѣ приехала Пелагея съ гостинцами отъ генеральши и опекаемыхъ дѣтей, разными картонажами, фруктами и конфетами съ елки, — и на дѣвочку такъ и пахло знакомой атмосферой дома Гогольцевыхъ. Ей представилась даже ея постель за ширмами въ коридорѣ, постель и сундукъ Степаниды; она почувствовала запахъ, бывавшій за этими ширмами, и вдругъ ей показалось, что вернется она сейчасъ къ Раисѣ Павловнѣ, лягъ на эту свою постель,—она сейчасъ выздоровѣетъ... И, заплакавъ, она стала просить Пелагею передать генеральшѣ, чтобы та ее взяла на праздники, какъ брали другихъ...

Пелагея, слушая ее, полупопотомъ твердила нарѣпѣвъ: «Хорошо, хорошо!.. Скажу... попрошу... хорошо!.. И ушла совсѣмъ растроганная.

«Не жилища она на этомъ свѣтѣ!..»—сходя съ лестницы изъ лазарета и вытирая слезы, думала она и, встрѣчавъ лазаретную прислугу, здоровенную молодую эстонскую крестьянку въ тиковомъ полосатомъ платьѣ съ короткими рукавами, стала жаловаться ей.

— Охъ, не жилища!.. Почернѣла совсѣмъ!.. Ручонки тоненькія-тоненькія, какъ плети... а ноги... Поглядѣй я!..—Пелагея всхлипнула и тотчасъ высморкалась.

— Конесно, помретъ!—вѣжливо согласилась румяная и круглолицая дѣвушка, икнувъ и зажавъ ротъ красной, но красивой и крѣпкой рукой.—Докторъ и то говоритъ «гниль привесутъ, и хотятъ, чтобы сили!» Рѣсать есоо будутъ. Скоро перасія!..—поморщилась она.—Усь сколько-кихъ рѣсали!..—она махнула рукой, оглянувшись во всѣ стороны и докончила:—сѣ равно помираютъ!..

— Гниль!..—обиженно повторила Пелагея.—Такъ она вѣдь тутъ у васъ сгнила-то! У насъ, слава-тѣ Господи, сколько годовъ жила и ни крошечки не хворала!.. Гниль!..—еще разъ вспылала Пелагея.

— Ну, усь не знаю, — шевеля красными пальцами правой руки, равнодушно отвѣтила дѣвушка и опять зачѣмъ-то оглянулась. — Докторъ насъ говорилъ, да и другой ессѣ, сто пріѣзжалъ сюда, — вы же его присылали (Пелагея утвердительно качнула головой), ее, говорили, давно бы лѣсить нужно, кровь дурная, а ее не лѣсили. Вотъ и сгнила, этто снацить внутри!..

Дѣвушка пояснительно опять пошевелила пальцами.

— А теперь, снацить, наружу выходитъ.

Пелагея, наморщивъ рѣдкія, широкія брови, слушала эстонку; носъ ея краснѣлъ отъ волненія и обиды, но когда она вышла изъ пріюта и вернулась домой, оскорбленіе не смѣнилось въ ея душѣ, нѣтъ, но какъ-то далѣе рядомъ съ собою вырасти другому чувству, — чувству пристыженности. Побывавъ у генеральши и передавъ ей все объ Анюткѣ, какъ она плоха, какъ обрадовалась подаркамъ, «велѣла очень благодарить и очень просила: не будетъ ли милость взять ее на праздники?» — старушка вернулась на кухню и тотчасъ рассказала прислугѣ, что говорила ей эстонка. И совершенно такъ же, какъ она, Катерина, Степанида и другія почувствовали себя и оскорбленными и въ чемъ-то будто отвѣтственными, и сами же возмутились противъ своего чувства.

— Ну, еще чего!—сказала Катерина.—Чего было ее лѣсчить!..

Но она тотчасъ припомнила, что у Анютки часто дѣ-

ались болячки на рукахъ и лицѣ, и заговорила объ этомъ.

— А ей-то сказали? — понижая голосъ до шопота, сообщила она потомъ и взяла валець, чтобы катать тѣсто.

Пелагея поняла.

— Зачѣмъ?.. — такъ же тихо отвѣтила она, и снова гдѣй нось ея покраснѣлъ. — Все равно теперь ужъ не поможешь... только еще разсердишь... Дальше отъ грѣха!..

— Это вѣрно, — начиная катать тѣсто, согласилась Катерина.

VI.

— Вамъ хотѣлось бы посмотреть на елку и балъ? — на слѣдующій день вечеромъ, около шести, спрашивала лазаретная дама Анютку и другихъ, не лежавшихъ въ постели. Лицо ея было притворно-ласково и весело. — Да? — обратилась она къ Анюткѣ: — и вамъ тоже? — продолжала она, оглядывая разныхъ сконфуженно-довольно смѣившихся дѣвочекъ. — Ну, хорошо. Вамъ сейчасъ принесутъ платья... Нѣтъ, а тебѣ нельзя, — обратилась она къ хорошенькой Леонтьевой, лежавшей въ бронхитѣ и просившей пустить и ее. — Сама бы рада была не только тебя, но всѣхъ васъ отсюда сегодня внизъ услатъ (она вздохнула), да нельзя. Вамъ сейчасъ принесутъ платья... — перевела она вновь глаза на ходившихъ больныхъ, перемѣняя тонъ: — вы одѣньтесь и ступайте, значитъ: Доможирова, Данилова, Ершова и Епифанова идутъ, пересчитала она. — И ты, Слѣпушкина.

Слѣпушкина — выпускная, рыжая, некрасивая дѣвушка лѣтъ 17, съ завязаннымъ охрипшимъ горломъ, молча, улыбаясь, показывая каріозные зубы.

Черезъ часъ дѣвочки, были готовы и спускались внизъ.

Внизу, начиная съ самой передней было провѣтрено, приятно пахло запахомъ зимы и монашенкой, и все выглядѣло по-праздничному. Въ столовой видѣлись корзины съ заготовленными для раздачи воспитанницамъ послѣ елки апельсинами, яблоками, мармеладомъ, пряниками и пр. Залы были ярко освѣщены и ярко чисты, и Анюткѣ показалось, что никогда въ прошломъ году не было во всемъ заведеніи такъ свѣтло и красиво, какъ въ этомъ году.

«Точно оттого, что меня нѣтъ!» — подумала она и съ этимъ чувствомъ вошла въ залъ, гдѣ толпились ряженныя и неряженныя воспитанницы.

Гулъ и говоръ пестрой, радостной, двигающейся молодой толпы ошеломилъ ее. Она сѣла на первый попавшійся стулъ, чувствуя, какъ все поплыло передъ ея глазами, но черезъ нѣкоторое время оправилась и стала разглядывать присутствующихъ. И вдругъ, при видѣ всѣхъ этихъ блестящихъ глазъ, напудренныхъ или просто высокихъ причесокъ, или локоновъ, при видѣ атласа, бархата, «прозументовъ» (какъ назывались позументы въ пріютѣ), блесокъ, брильянтовой пудры, — жажда жизни, тоска по жизни охватили ее.

Чувствуя подступающія слезы, ни съ кѣмъ не разговаривая, она стала смотрѣть на происходившее, на всѣхъ этихъ жужжащихъ, какъ пчелы въ ульѣ, костюмированныхъ и некостюмированныхъ подругъ, и вдругъ, снова будто кто-то равнодушно-жестокій ударилъ ее въ самое сердце.

Юное, почти дѣтское сердце это остановилось, сжалось на мгновение и потомъ усиленно забилося, а глаза — глаза такъ и впились въ маленькую Зеленкову, хорошенькую, бѣлокурую дѣвочку изъ младшаго класса, младшаго отдѣленія — въ традиціонномъ пріютскомъ костюмѣ «зимы», — платьѣ изъ бѣлой марли, украшенномъ зелеными, еловыми вѣтками, съ льяными кудрями, обсыпанными брильянтовой пудрой, въ туго-натянутыхъ сверхъ туфель бѣлыхъ нитяныхъ чулкахъ...

Зеленкова то пропадала въ толпѣ ряженыхъ, то выглядывалась изъ нея, вызывая замѣчанія: «Прелесть!..

душка!..» — становилась, какъ балерина, на концы пальцевъ и кружилась по небольшому пространству залы.

Анютка хотѣла-было отвести глаза отъ нея и не могла. Глаза ея, помимо ея желанія, отыскивали только «зиму» и глядѣли, глядѣли на нее, заломывая каждое ея движеніе... Наконецъ, она почувствовала, что больше не можетъ, не въ силахъ выносить видъ Зеленковой (а другого интереснаго ничего нѣтъ на этомъ дурацкомъ балу), встала, пробралась въ переднюю и медленно стала взбираться на лѣстницу.

Въ душѣ ея кипѣла злоба и горечь обиды. Въ эти минуты она ненавидѣла весь міръ, и весь пріютъ; все начальство, и классную даму, которая одѣвала Зеленкову, — она знала, кто одѣвала... Ненавидѣла и воспитанницъ, которыя помогали классной дамѣ, и главное, «самой Сашку», эту глупую Сашку Зеленкову, которую дура-начальница прозвала «зайнкой-пайнкой»...

«Еще, можетъ, на будущій годъ подохнешь!..» — мысленно обращалась она къ Зеленковой, и ей страстно хотѣлось, чтобы желанія ея исполнились, чтобы былъ будущій годъ, Зеленкова издыхала бы, а она, Анютка, была здорова... И злобно бормоча себѣ что-то невнятное, дѣвочка съ трудомъ переставляла все одну и ту же ногу впередъ, а другую втягивала на ступени, медленно всходя, взбираясь по лѣстницѣ.

— Куда?! Куда?.. — грознымъ шопотомъ остановилъ ее неожиданно мужской голосъ сверху.

Анютка подняла глаза и увидѣла старика-швейцара. Онъ быстро спускался внизъ, ставя ноги на третью позицію и вертя тазомъ.

— Куда?! — сердито прошепталъ онъ еще разъ.

— Въ лазаретъ, — хмуро отвѣтила Анютка.

— Чего? — также продолжалъ швейцаръ.

— Болитъ, — сказала Анютка, трогая себя по подолу платья.

— Чего болитъ?

— Нога, — сказала Анютка и пояснила: — Я лежу въ лазаретѣ... Меня на балъ послали... А ну его!.. Лечь хочу!..

— Ишь ты! — почесавъ сѣдую благообразную голову, замѣтилъ швейцаръ и помолчалъ.

— А все-жъ нельзя! — добавилъ онъ потомъ. — Не велѣно никого пускать... Ступайте внизъ, — слыша, что вверху отворяются двери, докончилъ онъ громко и вѣжливо, но тотчасъ понизилъ голосъ и прохрипѣлъ такъ, чтобы вверху не было слышно.

— Ступай, ступай!.. Слышь?..

Анютка озлобленно вскинула на старика глаза и въ недоумѣніи, говоря себѣ, что это неспроста, что тамъ, въ лазаретѣ, что-нибудь вѣрно устроили, интересное, хорошее, а ихъ, ее и другихъ, нарочно услали внизъ, вернулась въ залы, искала Ершову, не нашла, прошла въ самый дальній классъ, гдѣ составлены были парты и столы въ одну сплошную массу, и гдѣ горѣла всего одна керосиновая лампа, такъ что въ комнатѣ было полутемно, сѣла на скамейку въ самомъ дальнемъ ряду партъ и заткнула уши, чтобы не слышать ненавистныхъ звуковъ рояля. Балъ начался, и звуки эти неслись и неслись по всему нижнему этажу заведенія: кто-то добросовѣстно, яростно и часто фальшиво колотилъ въ залѣ по старенькому роялю, играя вальсы, венгерки, шаконъ, кадрили и прочіе танцы. Долго сидѣла дѣвочка. Входили, какъ заговорщицы, двѣ классныя дамы и о чемъ-то тихо, серьезно и таинственно, почти трагично, бесѣдовали, жестикулируя и точно споря. Потомъ онѣ мирно, но таинственно разстались, и каждая ушла въ свою сторону.

Вбѣгали три дѣвочки и что-то торопливо и съ опаской прятали въ одну изъ партъ, хихикая и пугаясь.

Вошла парочка, — старшая воспитанница со своимъ кавалеромъ, юнкеромъ какого-то училища и сыномъ одного изъ начальствующихъ лицъ. У обоихъ были сму-

Краденый подвзвуй. Картина фрагонара, авт. «Нили».

Антрактъ. Картина Н. Малышева, авт. «Ильи».

щепные и пылающія лица. Онъ о чемъ-то просилъ; она ломалась, но подъ конецъ онъ все же сдѣлалъ то, на что она шла, хотя и кривлялась, и, какъ и ждала Анютка, поцѣловалъ дѣвучку.

Въ промежуткахъ между этими появлениями въ классѣ пусто, и вся комната съ ея темнотой, сдвинутыми партами и холоднымъ воздухомъ казалась унылой, чего-то выжидающей, полной тайны и страха.

Анютка нѣсколько разъ, будучи не въ силахъ остаться въ этой комнатѣ, выходила въ переднюю, надѣясь пробраться въ лазаретъ, но швейцаръ всякій разъ, какъ и раньше, останавливалъ ее, и тономъ, не допускающимъ возраженій, приказывалъ возвращаться въ залы. И волей-неволей дѣвочка возвращалась, озираясь и волнуясь, такъ какъ боялась повстрѣчать кого-нибудь изъ начальства.

Въ душѣ ея все сильнѣе разгоралось любопытство и обида: «Отчего ее туда, наверхъ, не пускаютъ? Отчего ей не хотять дать то, что даютъ Леонтьевой и другимъ?»

Въ одну изъ своихъ вылазокъ она мелькомъ замѣтила въ дверяхъ столовой начальницу, разговаривающую съ женой одного изъ самыхъ важныхъ членовъ-благотворителей. Важная на видъ начальница, по обыкновенію туго-затянутая въ высокой корсетъ, въ свѣтло-сѣромъ красивомъ шерстяномъ платьѣ, что-то медлительно съ достоинствомъ объясняла, точно докладывала худенькой сѣдой дамѣ въ гладкомъ черномъ бархатномъ платьѣ. Дамы, болѣзненно наморщивъ тонкія темныя брови, смотрѣла на нее прекрасными печальными сѣрыми глазами, и по худому, впечатлительному лицу ея пробѣгали грустные, встревоженные тѣни.

Въ другой разъ Анюткѣ показалось, что она замѣтила на вѣшалкѣ въ передней шубу «батюшки» и что начальница сходитъ сверху по лѣстницѣ.

«Что бы это значило?—подумала дѣвочка и мигомъ скрылась въ залѣ, потомъ поглядѣла на танцующихъ, на елку, почти уже разоренную, съ гасимыми или потухающими и чадающими огарками свѣчей, на полъ, засыпанный бумажками, на ненавистную Зеленкову, отдышающую на стулѣ у стѣны, и вернулась въ классъ.

Прошло еще долгое время. Дѣвочка сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ, гдѣ ея никто изъ входившихъ не замѣчалъ. Изъ зала вмѣстѣ съ стукотней рояля неслись слова дирижера: «Шенъ на право! Поскорѣй, прошу поскорѣй! Шенъ шинуазъ!..»

Съ другой стороны изъ столовой слышалось звяканье разставляемой посуды. Анютка все сидѣла.

Прошла Анюткина классная дама, отличающаяся энергіей, увѣренностью въ своей правотѣ, сильнымъ голосомъ и грязными ногтями на красныхъ рукахъ, и, проходя мимо, открыла форточку.

Анютка все сидѣла.

Сначала незамѣтный, такъ какъ классъ былъ большой, холодъ будто радостно, торопливо и побѣдоносно сталъ врываться черезъ форточку и черезъ нѣкоторое время охватилъ всю комнату до послѣднихъ угловъ.

Анютка съ трудомъ подняла ноги на скамейку и, кутаясь въ платокъ, посидѣла такъ; потомъ все же рѣшилась уйти изъ класса, но не успѣла она встать, какъ услышала шаги и говоръ и, взглянувъ на дверь, увидѣла приближавшуюся къ классу начальницу, двухъ классныхъ дамъ и нѣсколькихъ воспитанницъ, очевидно провожавшихъ уѣзжавшую сѣдую даму и ея дочь, милостивую дѣвочку лѣтъ тринадцати, съ длинными густыми, шелковистыми волосами, распущенными по плечамъ и спинѣ.

— Господи, какой здѣсь морозъ!..—входя, сказала дама и съ безпокойствомъ взглянула на бѣлое въ англійскихъ прошивкахъ платье дочери.—Неужели тутъ отперто? Проходи скорѣе,—приказала она дѣвочкѣ.—Уходите!—обратилась она мягко къ воспитанницамъ.—До свиданья.

— Н-нѣтъ,—не сомнѣваясь, отвѣчала начальница.— Это отъ жары такъ кажется. Знаете, разница между залой... Оттого...

— Нѣтъ, отперто!.. Видите?—перебила дѣвочка и маленькой ручкой въ бѣлой перчаткѣ она указала на форточку.

— Ну, скажите, пожалуйста!..—съ неудовольствиемъ вымолвила начальница, пожимая плечами и переглядываясь съ классными дамами, и она тотчасъ подошла къ форткѣ и захлопнула ее.

Сѣдая дама, взявъ дочь за талью, пропустила ее передъ собой въ переднюю.

— Мама!.. Софья Карловна!.. Да тамъ кто-то есть! Кто-то сидитъ или спитъ!..—раздался голосъ дѣвочки и она, оборачивая голову, остановилась въ дверяхъ, выглядывая съ дѣтскою зоркостью и наблюдательностью Анютку и указывая на нее старшимъ.

— Вонъ тамъ!.. Таамъ!.. Въ самомъ уголкѣ!..

— Гдѣ тамъ?.. Да никого нѣтъ!.. Пустяки!.. Гдѣ вы видите?..—раздались ей въ отвѣтъ разные голоса старшихъ, и не двинясь Анютка, такъ бы никто и не повѣрилъ дѣвочкѣ, и всѣ прошли бы дальше, въ переднюю, но Анютка, желая спрятаться получше, пригнула голову къ столу и этимъ движеніемъ выдала себя.

— Да, представьте, кто-то дѣйствительно есть!—удивилась начальница, обращаясь къ сѣдой дамѣ.—Вотъ молодые-то глаза!..—и она тотчасъ возвысила голосъ и позвала:—Кто тамъ?—между тѣмъ, какъ одна изъ классныхъ дамъ дѣлала нѣсколько шаговъ впередъ.—Кто тамъ?

— Данилова вторая, — тихо отвѣчала Анютка и съ трудомъ поднялась съ сидѣнья.

— Кто?.. Данилова вторая?—удивилась начальница.— Что ты тамъ дѣлаешь?.. Поди сюда.

Анютка послушно вышла изъ-за парты, прихрамывая, подошла къ начальницѣ и стала передъ господами, сложивъ на животѣ руки.

— Ахъ, во-отъ какая Данилова!—разглядѣвъ дѣвочку, протянула начальница и, обратясь къ сѣдой дамѣ, она стала пояснять ей что-то по-французски.

Дочь дамы внимательно слушала ее, съ испуганной жалостью перевода раскрытые большіе дѣтскіе глаза съ пріютенки на говорившую и опять на пріютенку.

— Тоже кандидатка, — услышала она. — Туберкулы вѣрно будутъ...

— Ахъ, Боже мой, Боже!..—тихо вздохнула дама и, приказавъ дочери идти въ переднюю одѣваться, нагнулась къ Анюткѣ и рукой ласково подняла ея лицо за подбородокъ.

— Тебя какъ звать?

— Анной Даниловой, — смѣло отвѣтила Анютка, принимая благодетельный видъ пріютской воспитанницы.

— Отчего же ты здѣсь, а не въ залѣ?

— Я въ лазаретъ хотѣла пройти, — отвѣчала Анютка. Дамы переглянулись.

— Зачѣмъ? У тебя развѣ болитъ что? — спросила жена важнаго члена-благотворителя, и такой нѣжностью и жалостью зазвучалъ ея голосъ, такой нѣжностью и любовью засвѣтились ея глаза, что губы Анютки дрогнули, но она ничего не отвѣтила.

— *Pauvre enfant!* — выговорила дама, и брови ея страдальчески насупились. Никто лучше ея не зналъ, что такое смерть ребенка; она схоронила четырехъ, — и сердце ея никогда уже не могло забыть ужаса этихъ необъяснимыхъ дѣтскихъ смертей.

— *Ses mains sont glacées!* — обратилась она къ начальницѣ, бранившей дѣвочку, зачѣмъ она не отвѣчаетъ «ея превосходительству».

Начальница нагнулась и пощупала руки Даниловой.

— Зачѣмъ ты здѣсь сидѣла?—спросила она.

— Въ лазаретъ не пускали, — отвѣтила Анютка, и голосъ ея, хотя она и удерживалась, выдалъ ея волненіе.

Дамы вновь переглянулись.

— Отчего же ты въ залы не пошла?

Анютка не отвѣтила.

— Ну, ступай теперь въ лазаретъ, — помолчавъ, сказала начальница, и рукой тронула по плечу Данилову.

Анютка поклонилась и пошла-было къ дверямъ передней.

— Да подожди, — окликнула ее начальница. — Кто съ фортку отворил?..

— Евгенія Лексанна, — отвѣтила Анютка, останавливаясь.

— Евгенія Александровна? — точно удивленно переспросила начальница. — Ты сама видѣла?

— Видѣла, Софья Карловна, — вѣжливо-уныло отвѣтила Анютка.

— Ну, ступай, — махнула рукой начальница и стала издавать какія-то приказанія своей подчиненной.

Анютка вышла въ переднюю и начала медленно взбираться по лѣстницѣ.

Внизу ливрейный лакей помогаль одѣваться дочери сѣдой дамы. Воспитанницы выглядывали изъ противоположныхъ дверей.

— Мама, — вдругъ крикнула дѣвочка, завидя мать, выходящую изъ класса съ начальницей. — Мама, можно мнѣ дать мои конфеты и фрукты?..

И дѣвочка указала блестящими глазами на вползающую по лѣстницѣ пріютенку.

VII.

«Что у нихъ тутъ было?.. Что онѣ тутъ дѣлали?» — съ страстнымъ озлобленіемъ и нетерпѣніемъ думала Анютка, проходя въ лазаретъ по коридору.

Раны на ногѣ ея болѣли, и чувство недомоганія во всемъ тѣлѣ, хотя и заглушаемое гнѣвнымъ возмущеніемъ, давало, какъ цѣпь, ежесекундно себя знать.

Повстрѣчавъ лазаретную прислугу и поглядѣвъ ей въ лицо, Анютка еще болѣе убѣдилась, что да, что-то отъ нея скрываютъ, что-то было, случилось безъ нея!

— Черти проклятые! — выругала она вслухъ всѣхъ вообще и тотчасъ вспомнила, что тѣ тоже, — сѣдая дама и начальница, переглянулись два раза, когда она сказала, что ее не пускали въ лазаретъ. Ей хотѣлось плакать, кричать, ударить кого-нибудь...

Съ озлобленнымъ, нахмуреннымъ и вызывающимъ лицомъ вошла она въ свою комнату, окинула взглядомъ ее и остававшихся больныхъ и стала еще мрачнѣе. У каждой изъ четырехъ занятыхъ кроватей виднѣлась на табуретѣ крошечная елочка съ загаженными теперь свѣчами, но разукрашенная, какъ всегда на Рождество, блоками, пряниками и орѣхами.

Анютка поглядѣла на свою постель, возлѣ нея елочки не было.

«Мерзавки», — подумала Анютка.

Нѣкоторые больныя тоже взглянули на нее и тотчасъ отвернулись или закрыли глаза, но дѣвочкѣ показалось, что раньше, чѣмъ закрыть глаза, онѣ усмѣхнулись.

«Я-жъ вамъ задамъ, подлыя!» — мысленно отвѣтила Анютка и все съ тѣмъ же нахальнымъ, озлобленнымъ выраженіемъ она подошла къ своей кровати и стала быстро рыться въ табуретѣ, куда складывала и прятала всѣ свои вещи.

«Украли еще что-нибудь у меня? — мелькало у нея: —

оттого и зубы скалять! Мало, что елки не дали!» — и она все рылась и рылась въ вещахъ, отыскивая особенно нравившіеся ей картонажи, присланные изъ дома Гогольцевыхъ, и успокаивалась только тогда, когда находила въ цѣлости свои сокровища: сундучокъ красной бумаги съ черными ремешками, кухню изъ картона съ серебряными кастрюлями, «пароходъ» съ дымомъ изъ ваты и пр.

Черезъ нѣсколько минутъ она облегченно вздохнула; но черезъ мгновеніе опять вопросъ: «что же скрываютъ отъ нея?» — выросъ въ ея душѣ, и снова она угрюмо подняла глаза и обвела ими всю комнату.

Да, положительно что-то непривычное, особенное произошло въ ея отсутствіи: это ясно чувствовалось въ самой атмосферѣ лазарета, въ воздухѣ, въ запертыхъ съ одной стороны комнаты ярко-бѣлыхъ, плотно притворенныхъ дверяхъ...

Анютка сѣла на свою кровать, оглядѣлась еще разъ, замѣтила, что у Леонтьевой компрессъ на головѣ, но не обратила на это вниманія, увидѣла коробки съ апельсинами и пряниками у больныхъ, и вдругъ безграничная жалость къ себѣ жала ея сердце.

«Всѣмъ дали, а мнѣ нѣтъ!.. — заныло у нея. — Всѣмъ, всѣмъ!.. Только мнѣ не дали ничего, только меня забыли и внизу забыли, и тутъ, тутъ!..»

И Анютка, зарывавъ, легла на свою постель и зарыла лицо въ подушки.

Прошло нѣсколько минутъ. Вернулись другія дѣвочки, ходившія внизъ, на елку. Анюткѣ принесли дюшесу, кальвиль и конфеты, посланные ей дочерью сѣдой дамы (только мандаринъ дѣвочка оставила себѣ, такъ какъ *очень ужъ* ихъ любила!). Вошла Александра Петровна, перемѣнила компрессъ на головѣ Леонтьевой, поговорила съ вернувшимися, сказала имъ, чтобы онѣ развлекли не бывшихъ на балу, и, не замѣтивъ нѣсколько притихшую въ ея присутствіи Данилову, ушла. Анютка, поглядѣвъ на подаренные ей фрукты, снова легла въ подушки и снова стала всхлипать и вздрагивать шеей и плечами.

— Анюта, вы чего-жъ это, — разслышала она вдругъ чей-то голосъ. — А-а, Анюта?.. Вы знаете?.. — добавилъ голосъ на особомъ мѣстномъ пріютскомъ жаргонѣ, по которому верхомъ вѣжливости считалось употреблять глаголь въ единственномъ числѣ съ мѣстоименіемъ *вы*, обращенномъ къ одному лицу (говорилось всегда: вы пошла, вы видѣла).

Кто-то нагнулся и легонько тронулъ Анютку по рукѣ.

— Что такое? — сердито отозвалась Анютка, дергая плечами и чуть-чуть приподнимая отъ подушки голову. — Убирайся къ чорту!.. — закончила она, увидавъ Слѣпушкину. — Больно дѣлаешь.

— Вы чего плачешь-то, — проговорила дѣвушка, снимая руку. — Знаешь, что ли?

— Что знаешь? — перебила Анютка. — Ничего не знаю!.. Вы, знаете? — съ ненавистью, саркастически передразнила она Слѣпушкину и, сѣвъ, громко выморкалась.

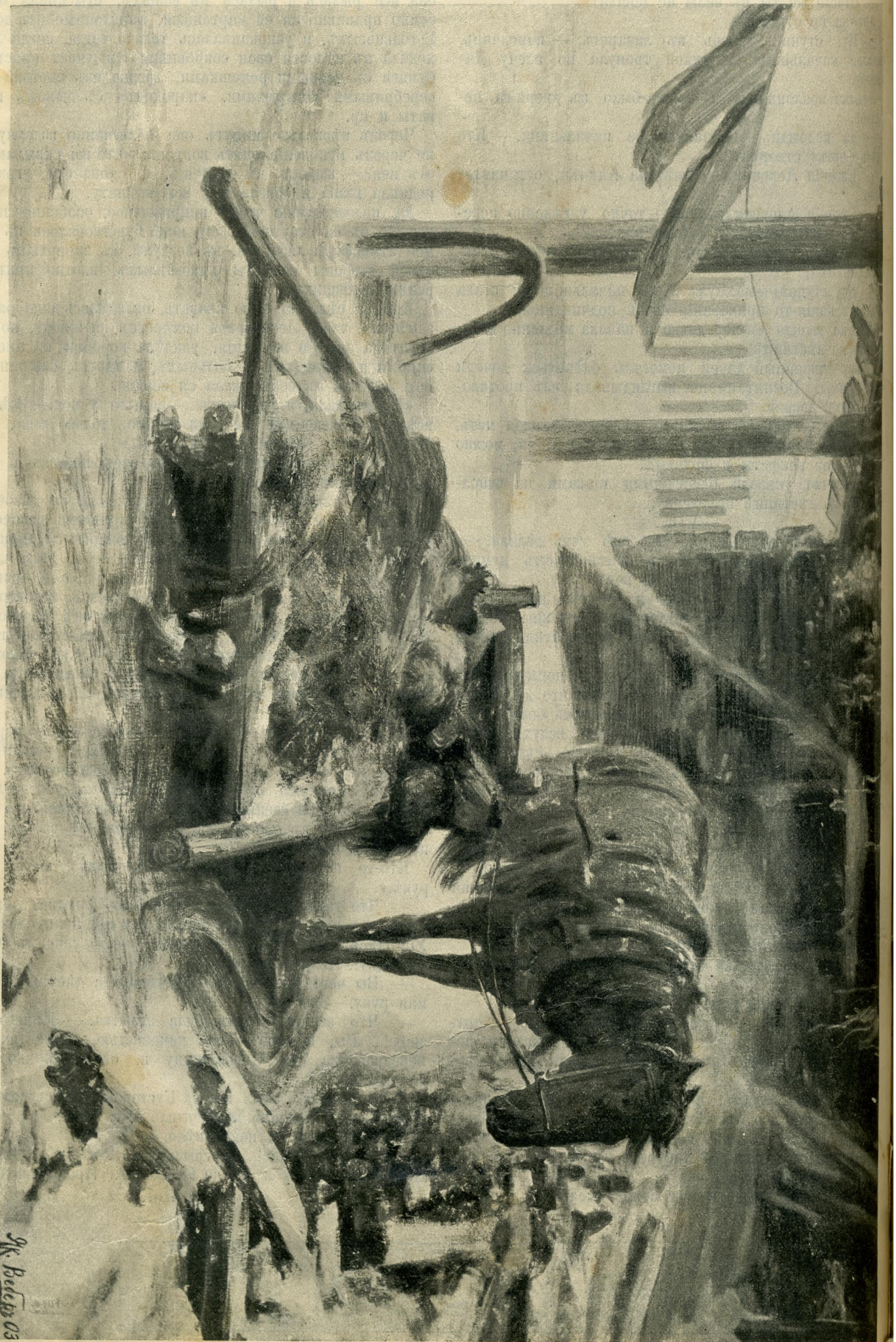
— Я думала... вы... изъ-за Кустовой... — отступая отъ Даниловой, смущенно прошептала дѣвушка.

Мѣловое лицо ея покраснѣло.

— Ну, чего еще!.. — отгрызнулась Анютка. — Изъ-за Кустовой!.. Стану я изъ-за Кустовой!.. Провались она!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бьюга. Картина Н. Векера, арт. «Ливия».

Н. Векеров

Осень на позиции. Рисунок нашего специального корреспондента В. Табурина, авг. «Нивы».

Занятіе врачей Пензенскаго полка съ санитарями. Обученіе перевязкамъ.
По фот. авт. «Нивы».

Миръ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Съ юга на сѣверъ.

(Окончаніе).

На путяхъ стояли воинскіе поезда. Въ открытыхъ дверяхъ тешушекъ толпились молодые солдаты, одѣтые болѣе чѣмъ по-домашнему. Тѣ принадлежности одежды, которыхъ не хватало на ихъ тѣлѣ, развѣвались снаружи вагоновъ, привязанныя на веревкахъ. По дорогѣ, во время остановки, онѣ были выстираны въ какой-нибудь лужѣ и теперь сушились. Веселыя пѣсни съ гиканьемъ и присвистываніемъ раздавались изъ вагоновъ, и можно было подумать, что эти парни ѣдутъ не на боевыя позиціи, а на ярмарку или на гулянье.

Мы просидѣли на станціи до заката солнца, досыта насладившись наблюденіемъ за проходящими поездами и гуляющими по платформѣ офицерами. Кажется, нигдѣ нѣтъ столько свободнаго времени, какъ на войнѣ, конечно, въ періоды перерывовъ между боями. Переѣздъ съ позицій до Харбина до того медлителенъ, что за это время можно объѣхать всю Европу. Случалось, что на нѣкоторыхъ станціяхъ поезда стояли по цѣлымъ суткамъ. Случались сцены во время желѣзнодорожныхъ путешествій, которыя можно встрѣтить только въ Манчжуріи. Поездъ неожиданно останавливается среди поля на какомъ-нибудь развѣздѣ. Ждутъ полчаса, часъ... Поездъ стоитъ на мѣстѣ. Кругомъ поля, кое-гдѣ работаютъ китайцы въ соломенныхъ шляпахъ. Солнце жжетъ нестерпимо. Солдаты—санитары и строевые, ѣдущіе по порученіямъ отъ своихъ частей, разбредаются по окрестностямъ. Многие идутъ купаться въ оказавшуюся невдалекѣ рѣчку. Чтобы не пропадало даромъ время, тутъ же стараются бѣлье. Нѣкоторые раненые, соскучившись въ вагонахъ, тоже выползаютъ на воздухъ и располагаются на травѣ. Сестры милосердія сначала гуляютъ нарочками по насыпи дороги и жалуются на томительную задержку. Офицеры, вышедшіе изъ класснаго вагона, негодуютъ по тому же поводу, и на этой почвѣ заводится знакомство. Наиболее тонко воспитанные идутъ къ паровозу узнать у машиниста о причинѣ задержки и получаютъ отвѣтъ, что поездъ ожидается встрѣчнаго. На этомъ основаніи всѣ соглашаются, что недурно устроить пикникъ въ сосѣдней деревнѣ. Два врача, очень ревнивые на видъ, присоединяются къ обществу, не ожидая спеціального приглашенія. Таковъ ужъ порядокъ вещей. Сестра можетъ быть какого угодно мнѣнія о врачахъ, но сами они непоколебимо увѣрены, что самымъ достойнымъ и самымъ близкимъ человѣкомъ для сестры можетъ быть только врачъ. Представить себѣ сестру иначе какъ въ сопровожденіи врача нѣтъ никакой возможности. Если даже она одна или съ подружкой или идетъ рядомъ съ офицеромъ, то сзади въ нѣкоторомъ отдаленіи навѣрно шествуетъ врачъ—неотступный и сумрачный на видъ.

Общество пѣшкомъ отправляется въ деревню. Навстрѣчу бѣгутъ полуодѣтые ребятишки, которыхъ офицеры очень ловко разгоняютъ съ дороги ударами хлыстовъ или тростей. Бѣлые платочки сестеръ теряются за стѣнами деревни. Опасеніе не поспѣть къ отходу поезда никого не беспокоитъ. Времени довольно. Всѣ къ этому привыкли. Времени достаточно не только для увеселительной прогулки, но даже и для болѣе серьезныхъ вещей. Бывали случаи, что во время остановки поезда на развѣздѣ холостой офицеръ успѣвалъ познакомиться съ сестрой милосердія, узнать всѣ лучшія качества ея характера, заочно познакомиться со всей ея родней, влюбиться въ нее, добиться ея взаимности, объясниться въ любви, сдѣлать предложеніе, такъ что по пріѣздѣ въ Харбинъ

Собирание опиума изъ головокъ незрѣлаго мака. Одинъ изъ крестьянъ-китайцевъ спирально надрѣзываетъ кожу головки мака, а другой тотчасъ же собираетъ пальцемъ бѣловатый сокъ въ чашечку. По фот. авт. «Нивы».

нимъ обоимъ оставалось только сочтаться законнымъ бракомъ.

Такия продолжительныя остановки были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ и никого не смущали...

Къ семи часамъ вечера на станціи прошелъ слухъ, которому никто не повѣрилъ, но къ которому отнеслись чутко и нервно.

Это былъ слухъ о заключеніи мира...

Откуда онъ взялся, никто не могъ объяснить. Говорили, что кто-то отъ кого-то получилъ телеграмму изъ Шанхая. Говорили также, что объ этомъ уже извѣщена главная квартира.

Но этому никто не вѣрилъ. Вынимались изъ кармановъ послѣднія телеграммы и снова читалось о томъ, что разрывъ переговоровъ неизбеженъ.

— Но позвольте это телеграмма вчерашняя изъ Харбина. За сутки многое могло произойти.

— Очень многое... Вотъ какъ завтра затремитъ орудія, вотъ вамъ и будетъ миръ...

И опять вопросы откуда идетъ слухъ, кто получилъ телеграмму и гдѣ она, и въ этихъ вопросахъ у самыхъ невѣрующихъ и даже видимо нежелующихъ, чтобы этотъ слухъ оправдался, сквозила надежда, что этотъ слухъ имѣетъ основаніе.

Въ буфетѣ народу было болѣе чѣмъ когда-либо.

Всѣ разговоры сводились къ одному—слухамъ о мирѣ. Но въ результатѣ никто не вѣрилъ или не рѣшался вѣрить...

Мы съ подполковникомъ С. забрались въ классный вагонъ, выданный намъ его денщикомъ.

Онъ объявилъ намъ, что постели сдѣланы. Это значило, что изъ его высокоблагородія на деревянной скамьѣ постлана его шинель, а на другой скамьѣ для меня разложенъ дождевикъ, имѣющій, какъ извѣстно, толщину почтовой бумаги. Въ качествѣ изголовья положена была полевая сумка.

Въ томъ же вагонѣ ночевали еще какіе-то офицеры.

Но повидимому всѣмъ не спалось. Ночью пришелъ съ сѣвера какой-то поездъ. Всѣ приподнялись со скамеекъ, чтобы посмотреть, какой это поездъ, но въ темнотѣ ничего не было видно и двери тешушекъ были заперты. Одинъ изъ офицеровъ вышелъ на площадку и сталъ говорить съ человѣкомъ, проходившимъ мимо фонаремъ. Вернувшись въ вагонъ, офицеръ сказалъ зѣвая:

— Воинскій...

— Вотъ тебѣ и миръ...—отозвался чей-то голосъ въ темнотѣ.

— Конечно, ерунда,—замѣтилъ другой голосъ.

Послѣ неудобнаго ночлега проснулись поздно—часовъ въ 8. Солнце ярко сіяло на безоблачномъ небѣ. Это было 18-го августа. Солдаты уже давно толкались около своего поезда. Мы открыли окна, и первое слово, которое мы услышали, было все то же слово, но давнишнее намъ спать и неотвязно преслѣдовавшее воображеніе:

«Миръ...»

Проходившаго солдата подполковникъ спросилъ, откуда онъ знаетъ, что миръ.

— Въ Харбинѣ толкуютъ, вапе высокоблагородіе, — отвѣтилъ солдатъ.

Всѣ пошли на станцію узнать, нѣтъ ли чего въ телеграммахъ. Телеграммы продавались, но о мирѣ ни слова. Наоборотъ—за все время переговоровъ не было болѣе безнадежныхъ извѣстій, чѣмъ въ этотъ день.

Къ офицерамъ вернулось воинственное настроеніе.

— Миръ можетъ быть только послѣ боя подъ Сыпингаемъ, — заявилъ штабсъ-капитанъ, имѣвшій, несмотря на свой невысокій чинъ, весьма величественную вѣщность.

Онъ, очевидно, былъ ярымъ сторонникомъ продолженія войны.

ему присоединился почтенный артиллерийский подполковник. Визиты были еще рѣшительнѣе.

— Необходимо переходить въ наступленіе и гнать их... гнать Мидена... до Ляояна...

— Но на это потребуется много времени,—возразилъ ему величественный поручикъ.

— А что же у насъ мало времени? Мы полгода — съ начала стоимъ безъ движенія...

Разговоръ продолжался на эту тему. Но вчерашняго оживленія не было замѣтно.

Открыли буфетъ. Офицеры стали собираться пить чай, кофе, а простые наивные сразу принимались за водку и закуску. По-походному это называется «начинать день».

Величественный штабсъ-капитанъ сѣлъ со своимъ товарищемъ, простымъ капитаномъ, весьма потрепаннымъ на видъ. Во взглядахъ они расходились.

— Готовъ держать пари, что пока никакого мира не будетъ гнать не можеть.

— Идетъ!—подхватилъ товарищъ.—На сто рублей.

— Ну, зачѣмъ же на сто...

— А на сколько же?

Штабсъ-капитанъ помолчалъ. Очевидно, онъ не о томъ думалъ.

— Гм... на пять рублей, пожалуй.

Капитанъ захохоталъ.

— А еще тыловый! Ну, хочешь на пятьдесятъ?

— Брось!

Къ софидному столу подошелъ офицеръ и сталъ говорить, что въ этотъ вечеръ пріѣхалъ какой-то желѣзнодорожный агентъ, который привезъ неоспоримое извѣстіе, что миръ заключенъ. Въздѣ за нимъ сейчасъ же вошли два телеграфиста, которые принесли видъ людей, стоящихъ выше толпы и которымъ извѣстны всѣ государственныя и международныя тайны. Они побѣдоноснымъ

Похороны китайки. Трупъ лежитъ въ ящикѣ направо, покрытомъ цыновкой. Налѣво виситъ бумажное изображеніе коровы и кукла, въ видѣ указанія на то, что умершая была хорошей хозяйкой и матерью. По фот. авт. «Нивы».

воромъ окинули собраніе и сѣли.

— Ходя! — крикнулъ одинъ изъ нихъ. — Бутылку шампанскаго!

Эффектъ получился полный. Если телеграфисты пили шампанское и притомъ въ 8 часовъ утра, то теперь остается никакого сомнѣнія, что миръ заключенъ. Другой телеграфистъ уже не такъ громко спросилъ подошедшаго лакея-китайца, сколько стоитъ бутылка.

— Тридцать рублей!—отвѣтилъ «ходя».

Послѣ этого началось совѣщаніе уже совѣстнымъ. Публика жадно прислушивалась, желая уловить смыслъ таинственнаго совѣщанія. «Ходя» постоилъ около нихъ и отошелъ къ прилавку. Наконецъ, одинъ изъ телеграфистовъ опять поздравилъ его и приказалъ подать два стакана чаю.

— Весь эффектъ былъ испорченъ.

Снаружи послышался гудокъ паровоза, и къ станціи подошелъ съ сѣвера поѣздъ. Многіе привстали, чтобы посмотреть въ окна и въ двери.

— Воинскій!—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ величественный штабсъ-капитанъ.—Держу пари на двадцать пять...

— Нѣтъ, — отвѣтилъ капитанъ разочарованнымъ тономъ.—Не люблю, когда такъ маклачатъ.

Пора было брать билеты. Комендантъ уже возсѣдалъ въ своемъ мѣстѣ. Мы съ подполковникомъ С. направились въ контору.

— Мы вчера записались. Позвольте получить билеты.

— У васъ есть разрѣшеніе?—обратился ко мнѣ комендантъ.

Достаю изъ сумки цѣлую коллекцію документовъ, гдѣ въ разныхъ формахъ и выраженіяхъ говорится о томъ, что предьявителю сего разрѣшается находиться въ любыхъ частяхъ манчжурскихъ армій, начиная отъ передовыхъ отрядовъ до глубокаго тыла. По вопросу о путяхъ сообщенія ничего не говорится о летаніи по воздуху, такъ что повидимому предьявителю предоставляется пользоваться обычными способами передвиженія.

— Этого недостаточно. Нужно разрѣшеніе отъ полковника Пестича.

— Позвольте, вы вѣроятно не разглядѣли. Эти документы выданы изъ штаба главнокомандующаго и подписаны генераль-квартирмейстеромъ.

— Это ничего не значить. Нужно разрѣшеніе специально на поѣздъ отъ Гунджулина до Харбина.

— Виноваты, по-моему это совершенно не нужно для меня лично. Тѣмъ, кто связанъ службой съ дѣйствующей арміей, всякая отлучка на сѣверъ должна имѣть разрѣшеніе... на примѣръ, офицерамъ, врачамъ, нижнимъ чинамъ и т. д. а я человекъ свободный.

— Ничего не знаю, я долженъ требовать разрѣшеніе отъ всѣхъ.

— Но это вѣроятно на чемъ-нибудь основано?

— Для порядка, чтобы каждый имѣлъ свое мѣсто.

— Ну, слава Богу, значить для меня не нужно никакого разрѣшенія. А для порядка я вамъ заявляю, что хочу ѣхать на сѣверъ. Потрудитесь выдать мнѣ номеръ моего мѣста.

— Безъ разрѣшенія нельзя.

Продолжать разговоръ значило начинать сначала. Сзади меня офицеры ждали очереди, а потому я вышелъ на платформу.

Подполковникъ С., уже получившій билетъ, и другіе офицеры совѣтовали мнѣ садиться въ первый попавшійся вагонъ и ѣхать, не теряя времени на полученіе разрѣшенія. Такъ дѣлали всѣ тѣ, которые не успѣвали сговориться съ неумолимымъ капитаномъ. Всѣ соглашались, что его служебное усердіе превышаетъ необходимыя нормы.

Одинъ офицеръ одного батальона съ комендантомъ грустно глядя въ дверь конторы, говорилъ, какъ о покойникѣ:

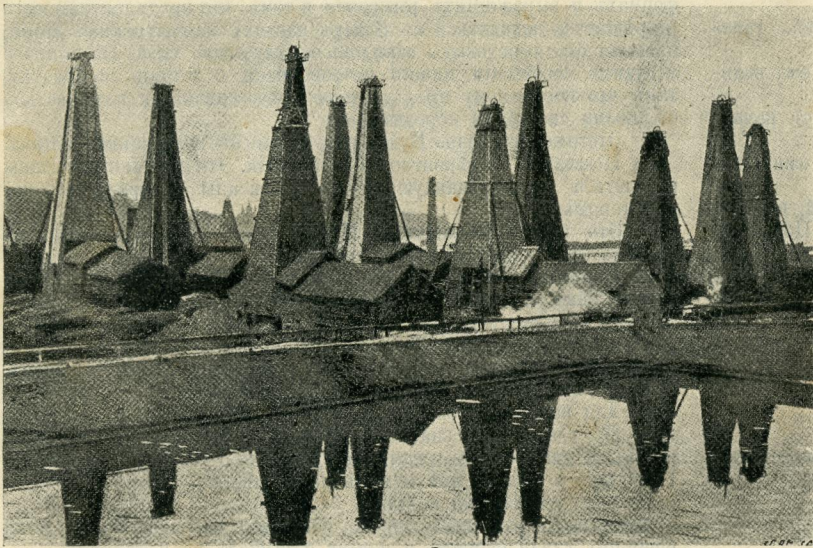
— И какой хорошій былъ человекъ... Добрый, деликатный, хорошій товарищъ... А получилъ это чиновничье мѣсто и нѣкоторую власть надъ публикой—совсѣмъ испортился. Теперь его узнать нельзя.

Приходилось идти къ полковнику Пестичу. Но дома я его не засталъ. Онъ уѣхалъ съ докладомъ въ Годзядянь. Въ его пріемной я встрѣтилъ корреспондента одной большой петербургской газеты, который былъ сильно огорченъ, не заставъ полковника Пестича — нашего цензора. Онъ приготовилъ телеграмму, въ которой онъ, не бывая ужьнѣ Годзядяня, отъ лица всѣхъ войскъ говорилъ, что армія не жаждетъ заключенія мира и жадеть боя. Тоже, какъ говорится, усердіе не по разуму, тѣмъ болѣе, что, по его же словамъ, достиженіе мирнаго соглашенія, по полученіи въ Годзядянь телеграммамъ, фактъ совершившійся. Я напомнилъ ему русскую пословицу: «послѣ драки кулаками не машутъ», но вмѣсто возраженія привелъ его въ патристическое негодованіе.

До отхода поѣзда оставалось менѣе получаса. Единственнаго человека, который могъ дать мнѣ всемогущее разрѣшеніе, не было въ Гунджулинѣ, а потому оставалось придумать какой-нибудь другой выходъ.

Выдача монгольскихъ лановъ (слитковъ серебра) стоимостью 109 руб. каждая. Казначей полка выдаетъ ихъ офицерамъ, отправляющимся въ Монголію для покупки скота. По фот. авт. «Нивы».

Бакинскія событія. Вышки и нефтяное озеро. По фот. авт. «Нивы».

Я могъ бы ѣхать въ любомъ санитарномъ поѣздѣ, въ одномъ изъ воинскихъ поѣздовъ или въ знакомомъ служебномъ вагонѣ, какъ это случилось въ теченіе полуторыхъ лѣтъ моихъ странствованій. Но мнѣ хотѣлось добиться того, на что я имѣлъ право, и побѣдить упрямый формализмъ неумолимаго коменданта.

Я опять вошелъ въ контору и обратился къ нему съ дружескимъ заявленіемъ:

— Мнѣ хотѣлось поѣхать въ Россію—домой... Я, знаете, здѣсь съ начала кампаніи и страшно усталъ—хочется отдохнуть. Надѣюсь, меня никто, а тѣмъ болѣе вы, держать не могутъ. Здѣсь нѣтъ ни одного человека, которому бы я былъ подчиненъ. Когда мнѣ нужно было попасть въ передовыя дѣйствующія части, куда пускаютъ очень немногихъ, я просилъ разрѣшенія, но теперь я кончаю пользоваться этимъ разрѣшеніемъ и уѣзжаю. Сейчас отходитъ поѣздъ, и я сяду въ первый попавшійся вагонъ и займу первое попавшееся мѣсто. Поэтому въ видахъ порядка потрудитесь выдать мнѣ номеръ мѣста, который я могу считать своимъ.

Комендантъ уже открылъ ротъ, чтобы произнести: «а у васъ есть разрѣшеніе?» — фразу, которую онъ такъ хорошо заучилъ. Но вмѣсто этого неожиданно всталъ со стула и, выходя изъ конторы, сказалъ своему помощнику:

— Выдайте имъ номеръ.

Такимъ образомъ мирные переговоры привели къ самымъ желательнымъ результатамъ.

— А не встрѣтятся ли подобныя затрудненія на другихъ станціяхъ?—спросилъ я у помощника коменданта.

— Нѣтъ, вѣдь у васъ билетъ до Харбина и обратно.

— Обратнo!!? Позвольте, зачѣмъ же обратно? Я хочу ѣхать въ Петербургъ. Это ужъ слишкомъ лобезно съ вашей стороны.

Помощникъ весело засмѣялся.

— У насъ такъ всегда пишутъ.— Конечно, вы можете ѣхать куда хотите.

— А не потребуетъ ли еще разрѣшенія на какия-нибудь другія необходимыя надобности?

— Напримѣръ, на какия?

— Въ Куанчензахъ я бы хотѣлъ пообѣдать.

— Ха-ха-ха... ну, конечно, на это не надо разрѣшенія.

— Благодарю васъ. Это, видите ли, не мѣшаетъ знать заранее... Въ Куанчензахъ, навѣрно, тоже есть комендантъ станціи. Господь его вѣдаетъ, можетъ-быть, онъ еще болѣе усерденъ по службѣ чѣмъ вы... Всего хорошаго.

— Счастливой дороги.

Вагонъ второго класса, назначенный для офицеровъ, стоялъ уже въ составѣ поѣзда. На скамейкахъ разложены были занумерованные билеты съ фамиліями. Всѣмъ нашель свое мѣсто и разложили вещи. Было еще нѣсколько вагоновъ третьяго класса, гдѣ помѣщались нижніе чины и тѣ офицеры, которымъ не хватило мѣста во второмъ. Въ одиннадцатомъ часу поѣздъ отошелъ отъ Гунджулина и на первомъ же разъѣздѣ встрѣтилъ поѣздъ съ батареей артиллеріи.

Всѣ разговоры нашихъ офицеровъ вращались около вопроса о мирѣ. Каждый фактъ имѣвшій отношеніе къ этому вопросу, горячо обсуждался. Какъ нарочно, всѣ новые факты противорѣчили одинъ другому и сбивали съ толку. Зачѣмъ сбѣжить на позиціи батарей, когда заключенъ миръ? Передъ отходомъ поѣзда въ Гунджулинъ пріѣхалъ офицеръ генеральнаго шта-

Бакинскія событія. Нефтяной пожаръ въ Балаханахъ. По фот. авт. «Нивы».

который объявил, что японцы наступают на наш левый фланг.

В Куанчензах настроеніе праздничное. Здесь никто не сомневается въ заключеніи мира, потому что объ этомъ ночью получено сообщеніе изъ Харбина.

Офицеры по этому случаю осаждают буфеты и требуютъ водки, ей не оказывается. Продажа водки здѣсь запрещена. Почему

въ другихъ станціяхъ она разрѣшена, а здѣсь запрещена — никто не знает, даже самъ буфетчикъ.

Внутри буфета много, и всѣ разсаживаются у столиковъ подъ навѣсомъ платформы. Тутъ сидятъ офицеры пришедшаго японскаго поезда. На лицахъ недоумѣніе. Они не знаютъ, радоваться или печалиться извѣстію о заключеніи мира.

Они не испытали еще тяжести похода, не знали вѣдѣній, что такое война, и будутъ въ позиціи бодрыми и полными отважныхъ надеждъ.

Въ Куанчензахъ насъ задержали часа два. Въ Яомынь мы ушли уже къ вечеру.

На одномъ разъѣздѣ, гдѣ мы стояли недолго, намъ опять встрѣтился воинскій поездъ. Солдаты изъ дверей вагоновъ махали фуражками, бѣгали и кричали: «миръ, братья! ш-ша... а... а... не плачь! ребята—миръ!!»

— Хорошъ миръ, когда эшелонъ за эшелонъ валитъ на позиции.—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А гдѣ же имъ остановиться? Организация снабженія арміи приспособлена такъ, что имъ всего удобнѣе пока жить и довольствоваться на позиціяхъ, гдѣ на нихъ уже рассчитываютъ.

Это болѣе или менѣе правдоподобное объясненіе кого-то изъ офицеровъ удовлетворило всѣхъ.

Но, несмотря на упорные слухи о заключеніи мира, печатныхъ извѣстій еще не было. Наоборотъ, телеграммы, полученныя въ

Яомыни, были самыя неутѣшительныя. Тамъ говорилось, что Витте уже приказалъ собрать свои дорожныя вещи и готовъ былъ уѣзжать.

Еще одно обстоятельство совершенно разочаровало нашихъ путниковъ.

Въ Яомыни мы увидѣли шедшій на югъ *поездъ со снарядами*. Больше уже никто не сомнѣвался, что вѣсти о мирѣ — ложныя слухи.

Бакинскія событія. Внутренность нефтяной вышки. По фот. авт. «Нивы».

Въ сосѣднемъ съ нами купе сидѣли величественный штабсъ-капитанъ и его товарищъ, капитанъ. Насколько можно было судить изъ ихъ бесѣды, величественный штабсъ-капитанъ служилъ въ тылу въ Харбинѣ при управленіи военныхъ сообщеній, а его товарищъ—въ строю, въ одной изъ боевыхъ частей.

Они все еще продолжали предлагать другъ другу пари, причемъ все время мѣняли ставки. Если шансы на миръ увеличивались, ставку предлагалъ капитанъ, а когда уменьшались—штабсъ-капитанъ становился смѣлѣе и увеличивалъ сумму.

Когда мимо насъ прошелъ поездъ со снарядами, онъ былъ необыкновенно доволенъ.

— Ну, хорошо, ставлю сто рублей—такъ и быть...

Капитанъ наоборотъ былъ удрученъ.

— Не желаю.. Какой ты, ей Богу, мажлакъ... Терпѣть этого не могу. Не хотѣлъ раньше, теперь я не хочу...

— Ага, боишься!

— Совсе не боюсь, а не желаю... изъ принципа. Это ты, я вижу, боишься.. мира...

— Вещь понятная... Теперь я получаю триста четырнадцать рублей въ мѣсяцъ, а кончится война, я опять перейду на девяносто...

Въ вагонѣ зажгли свѣчи, денщики принесли заваренный на станціи чай, и офицеры долго не ложились, продолжая разговоры на ту же тему.

Въ нашемъ купе сидѣлъ почтенный полковникъ командиръ N-скаго славнаго полка. На китецѣ полковника бѣлѣлъ георгиевскій крестъ. Онъ до сихъ поръ не вмѣшивался въ разговоръ и дремалъ въ своемъ углу. Навпившись чаю и скрутивъ толстую папиросу, онъ повѣдалъ слѣдующее:

— Вы всѣ, господа, напрасно горячитесь. По всему видно, что миръ дѣйствительно заключенъ. Извѣстіе объ этомъ получено по телеграфу и, вѣроятно, завтра будетъ опубликовано. Тутъ держать пари, и если бы я былъ охотникомъ до

Бакинскія событія. Намѣстникъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ объѣзжаетъ кварталы города, пострадавшіе отъ пожара. По фот. авт. «Нивы».

этого, то готовы бы держать пари с самого начала переговоров и даже в те дни, когда известия были самыми неутешительными. Мне все время казалось дело очевидным. Самое приглашение наших уполномоченных для *личных* переговоров уже указывало на желание японцев прийти к соглашению. В противном случае узнать о возможности соглашения гораздо было проще через телеграф. Вся процедура уступок с их стороны и категорических заявлений есть ни больше ни меньше как азиатская манера торговаться. Это было видно уже по первому с их стороны предложению продолжать переговоры, в критическую по видимому минуту. Пригласив наших уполномоченных для личного свидания, они рассчитывали на их уступчивость, как торговцев, рассчитывающих на уступчивость покупателя, издали специально приехавшего в его магазин. Но они ошиблись в расчете: наш главноуполномоченный свои дальнейшие передряги и возможный неуспех своей миссии ставил ни во что в сравнении с задачами и честью своей родины.

От мукденского боя уже прошло полгода. Пополнения в японской армии были закончены уже два, даже три месяца тому назад, а победоносная армия все стояла и не двигалась вперед. Что же их удерживало? Причина была одна — *нерешительность*. Не понимать этого могут только те, которые считают японскую

Бакинские события. Кража мазута (нефтяных остатков). По фот. авт. «Нивы».

армию непобедимой, а их полководцев гениями. Я с этим несогласен. Я верю только в одно и теперь в этом убедился — что среди их военной администрации есть люди весьма благоразумные. Военное счастье, которое им покровительствовало под Ляояном и под Мукденом (это заявляют сами японцы), могло изменить им под Сыпингаем, где перед ними стояла армия из свежих молодых войск с новым главнокомандующим, с которым они уже были знакомы по мукденскому бою, и знакомство это было для них невыгодно.

Толки о том, что эти долгие месяцы были употреблены японцами на какие-то обходные операции, не имеют никакого основания. Их армия стоит там же, где она сосредоточилась через месяцы после мукденского боя, и она стоит там полгода и любит, как наша армия, больше чем когда-либо за всю кампанию, пополняется и дорога подвозит каждый день по *пятнадцати тысяч человек*. Чего же они ждали? Чтобы наша армия выросла до максимума, и тогда сразиться с ней? Или занимались глубокомысленной стратегией, теряя шансы для успешного удара?

Нать, господа, всему есть границы. Если японских полководцев нельзя считать гениями, так нельзя же их считать и простаками. Скажем лучше, что это люди в высшей степени дальние и... благоразумные. Они не решились рисковать испортить впечатлительные предыдущих побед. Счастливый игрок во время забастовки. Армия с угрожающим видом остановилась и решила ждать. Чего она ждала и чего дождалась, мы это теперь видим... И самый характер переговоров доказывает, что японское правительство решило прийти к мирному соглашению, *во что бы то ни стало*...

Слушатели помолчали, но затем один молоденький офицер осторожно спросил:

— В таком случае, господин полковник, как вы выходите из ваших слов, нам выгодно было бы продолжать войну?

— Из моих слов это вовсе не выходит, я сказал только, что японцы не решились наступать, справедливо оценив наши силы и влияние на нас уроков прошлого. Я прибавлю еще, что продолжать войну мы имели полную возможность, но было ли бы это выгодно — это другой вопрос. На первых же порах, т. е. при бою под Сыпингаем, наши войска после отступательной практики в течение всей кампании едва ли были бы в силах перейти в наступление и гнать противника. Успехом можно было бы уже считать удержание позиций и ослабление неприятеля, потери которого в этом случае были бы гораздо значительнее наших. После этого стали бы возможны наступательные движения... но пока этот безрезультатный бой стоил бы сотен тысяч жертв, и вопрос о мире еще настоятельнее поднял бы державы. Значит, наш успех был бы чисто моральный, точно так же, как неуспех японцев. Но армии остались бы в том же положении, а потому (вероятно) и условия мира остались бы те же, что и теперь. При наших же требованиях

Бакинские события. Разгромленный магазин на Губернской улице.

По фот. авт. «Нивы».

льших уступок, японцы вѣроятно предложили бы намъ дождаться ихъ при помощи оружія, т. е. переходить въ наступленіе, которое (и въ этомъ я твердо увѣренъ) они выдержали бы гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ мы подѣ Ташичао, подѣ Явномъ и подѣ Мукденомъ, а стало-быть, намъ стоило бы еще льшихъ жертвъ человѣческими жизнями, чѣмъ это стоило имъ. Было ли бы это выгодно для государства?

И до сихъ поръ говорилъ о фронтальномъ наступленіи японцевъ подѣ Сынпигаемъ. Если же они опять затѣяли обходной маневръ, то чѣмъ бы кончился этотъ бой, сказать весьма трудно. До нѣкоторой степени можно полагать, что, при извѣстной всѣмъ вѣроятности генерала Линевица, этотъ бой кончился бы катастрофой... для одной изъ армій... Для какой именно, это конечно загадка.

Поэтому, при такихъ условіяхъ, перспектива боя была бы очевидно невыгодна и рискованна для обѣихъ сторонъ. А потому, въ концѣ концовъ, скажу, что заключеніе мира выгодно опять-таки для обѣихъ сторонъ...

Въ одной группѣ махали листкомъ, и слышались крики «ура». Мальчишки-китайцы торопливо бѣжали отъ вагона къ вагону и выкрикивали что-то похожее на русскія слова: «телеграммы! миръ!»

Прибывшіе офицеры стали покупать листки.

Это была извѣстная телеграмма С. Ю. Витте на Высочайшее имя...

Этотъ день былъ лучшимъ днемъ за всю кампанію. Радостная вѣсть о заключеніи почетнаго мира заслонила собой всѣ впечатлительныя цѣлаго ряда тяжелыхъ событій...

Офицеры поздравляли другъ друга...

Солдатики крестились...

Въ группѣ бѣлыхъ платочковъ нервно всхлипывала одна изъ сестеръ милосердія...

В. Табуринъ.

Бакинскія событія. Нефтяныя цистерны.
По фот. авт. «Нивы».

— Ну, и слава Богу,—простоудшно замѣтилъ кто-то.

— А позвольте замѣтить, господинъ полковникъ, зачѣмъ же на позиціи везуть снаряды?—спросилъ опять молоденькій офицеръ.

— Молодой человѣкъ... сейчасъ видно, что молодой. Если на позиціи везуть снаряды, значитъ перемиріе еще не объявлено. Можетъ-быть, оно будетъ объявлено завтра, сегодня, даже черезъ часъ... Но пока этого еще нѣтъ — въ передовыхъ отрядахъ продолжаютъ стычки. Военное начальство не можетъ прекратить ихъ вплоть до момента официальнаго объявленія о перемиріи, на основаніи однихъ слуховъ. Поэтому до этого момента все идетъ по старому, а какъ вамъ извѣстно, въ такихъ случаяхъ необходимы снаряды и патроны...

Послѣ успокоительныхъ рѣчей полковника споры и толки прекратились. Высказывать свое мнѣніе уже никто не рѣшался. Затѣмъ тотъ же полковникъ первый подалъ примѣръ, и всѣ легли спать.

Въ 9 часовъ утра 19-го августа поѣздъ, не дойдя до станціи Харбинъ, остановился у закрытаго семафора. Это явленіе обычное. Но на этотъ разъ пассажиры не стали дожидаться подхода поѣзда и пошли пѣшкомъ на станцію, до которой болѣе версты. Вещи понесли денщики или китайцы. У кого же не было ни тѣхъ, ни другихъ, понесли свой багажъ сами. Всякому хотѣлось поскорѣе прибыть на станцію и узнать послѣднія и достовѣрныя свѣдѣнія.

Но это стало извѣстно еще, не доходя до станціи. Около санитарныхъ поѣздовъ, стоящихъ ближе къ семафору, толпились группы солдатъ-санитаровъ и громко читали листки мѣстныхъ газетъ.

Европейскія дѣла.

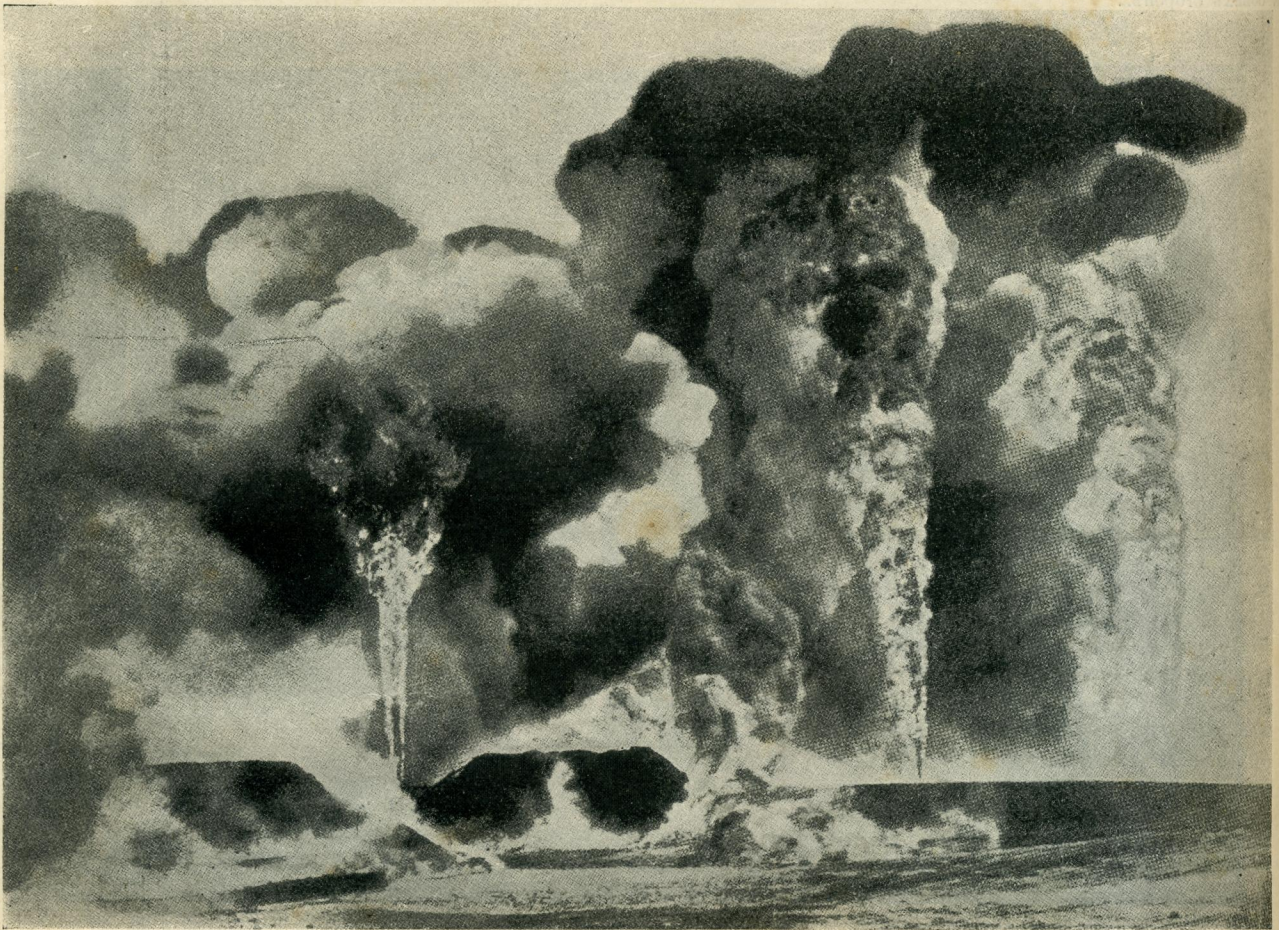
(Политическое обозрѣніе).

Исторія международныхъ отношеній на ряду съ кровавыми, полными трагизма, страницами изобилуетъ также и чрезвычайно комическими эпизодами. Къ разряду послѣднихъ приходится отнести и греко-румынское столкновеніе, закончившееся взаимнымъ отозваніемъ посланниковъ и полнымъ разрывомъ дипломатическихъ сношеній. Маленькія государства проявляютъ по отношенію другъ къ другу великій гнѣвъ, но такъ какъ границы ихъ нигдѣ не соприкасаются, а военнымъ флотомъ для дуэли въ морскомъ бою они не располагаютъ, то, за отсутствіемъ обычныхъ способовъ выраженія національной вражды, они грозятъ другъ другу взаимнымъ изгнаніемъ подданныхъ, убыточною для обѣихъ сторонъ таможенною войною и тому подобными мелкими и злобными репрессіями. Вслѣдствіе отъѣзда греческаго посланника изъ Бухареста румынское правительство сдѣлало распоряженіе о закрытіи всѣхъ существующихъ въ странѣ греческихъ школъ и выселило всѣхъ священниковъ греческихъ приходовъ, а греческое правительство въ отвѣтъ на это грозитъ еще болѣе грозными мѣрами до поголовной высылки всѣхъ румынскихъ подданныхъ включительно. Обѣ стороны стараются донять другъ друга если не мытьемъ, такъ катаньемъ, если не коломъ, такъ рублемъ. Не будучи въ силахъ досадить правительству враждебной страны, онѣ срываютъ свой гнѣвъ на его ни въ чемъ неповинныхъ подданныхъ и, лишенные возможности напасть другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ, направляютъ изобрѣтательность на выдумываніе всякихъ неприятно-

стей. Это борьба людей со связанными руками и ногами, раздѣленных другъ отъ друга барьеромъ, могущихъ только плеваться, показывать языки и облетчать взволнованную душу взаимными ругательствами. Что же могло породить такую ненависть между двумя христіанскими народами Балканскаго полуострова, еще не совсемъ освобожденнаго отъ турецкаго ига? Увы!—предлогъ къ мелкой и злобной распрѣ христіанскія правительства двухъ маленькихъ балканскихъ государствъ умудрились отыскать въ религіи, вѣрнѣе и точнѣе сказать, въ спорѣ о церковномъ первенствѣ. До сихъ поръ это первенство безраздѣльно принадлежало грекамъ, такъ какъ греческій патріархъ, утвержденный султаномъ подъ именемъ вселенскаго, признавался въ Константинополѣ главою церкви всѣхъ покорныхъ султану христіанскихъ народовъ. Но не такъ давно султанъ призналъ существованіе въ Македоніи особой такъ-называемой куцо-валахской, т. е. румынской народности, даро-

до безконечности увѣковѣчивая мелкими, братоубійственными междуусобіями давно отжившій свое время турецкій гнетъ. И волъ эта чепуха будетъ длиться до тѣхъ поръ, пока не придетъ кто-нибудь дѣйствительно сильный и не скажетъ властнымъ голосомъ: «Довольно!»

Несравненно человѣчнѣе, умнѣе и культурнѣе разбираются политическіе вопросы на противоположномъ концѣ Европы—между шведами и норвежцами. Скандинавскій полуостровъ не только географическій, но также и культурный полюсъ Балканскаго. Сты-снительная для интересовъ норвежскихъ коммерсантовъ унія, соединявшая два независимые въ своей внутренней жизни народа подъ скипетромъ одного конституціоннаго короля, оказалась наконецъ расторгнутой. Швеція не протестовала противъ отторженія Норвегіи, не рѣшилась силою оружія поддерживать связь, переживавшую въ народныхъ сердцахъ. Хотя одно время военныя

Бакинскія событія. Нефтяные пожары въ Баку.
По фот. арт. «Нивы».

валъ ей известныя права и подчинилъ ее особому румынскому іерарху, независимому отъ духовной власти вселенскаго патріарха. Здѣсь къ религіозному мотиву примѣшался всегда уродующій его мотивъ политическій. На свое церковное первенство греки смотрятъ какъ на прообразъ и, пожалуй, основу будущаго политическаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ, считая себя прямыми наслѣдниками умирающей Турціи. Поэтому-то всякое отпаденіе отъ единаго вселенскаго греческаго патріархата въ сторону независимой хотя бы и христіанской іерархіи они воспринимаютъ какъ смертельный ударъ своей церковно-политической гегемоніи, какъ потрясеніе будущаго великаго греческаго государства. Отсюда такая кровопролитная вражда ихъ къ сербамъ и болгарамъ, отпавшимъ отъ патріархата и черешедшимъ къ экзархату, отсюда же и незлѣпая политическая распря съ Румыніей, достигшей церковной независимости не только для своихъ подданныхъ, но также и для своихъ единоплеменниковъ въ Турціи. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой печальной распри несомнѣнно явится еще большее усложненіе отношеній, перемѣненныхъ въ видѣ какой-то этнографической каши безчисленныхъ народностей Македоніи. До сихъ поръ тамъ дрались между собою болгары съ сербами, сербы съ арнаутами, черногорцы съ албанцами, греки съ славянами и т. д., теперь же греческія «четники» будутъ рѣзать также и куцо-валаховъ, а куцо-валахскіе четники будутъ истреблять грековъ—и все это во имя спора о будущей гегемоніи на Балканахъ. Находящіеся подъ владычествомъ мелкія народности страстно мечтаютъ о владычествѣ надъ другими и безпомощно барахтаются въ этихъ мечтахъ, раздробляя свои силы и

приготовленія дѣлались и съ той и съ другой стороны, но, слава Богу, туча пронеслась мимо и не разразилась надъ полуостровомъ губительной грозой. Напротивъ, первую заботою раздѣлившихся государствъ, даже первымъ условіемъ раздѣленія съ обѣихъ сторонъ было признано именно уничтоженіе всякой опасности братскаго междуусобія въ видѣ срытія пограничныхъ крѣпостей, установленія нейтральной зоны шириною въ 15 километровъ на границѣ государствъ и устраненія самыхъ предлоговъ и поводовъ къ вооруженному столкновенію. Шведско-норвежская примирительная коммиссія, засѣдавшая въ Карлсдальѣ, постановила, что оба государства будутъ отдавать *всѣ свои споры* на рѣшеніе третейскаго суда въ Гаагѣ. Изъятіе сдѣлано только для вопросовъ, затрагивающихъ «независимость, цѣлость и жизненные интересы обонихъ государствъ», но и самое опредѣленіе степени важности вопросовъ изъятыхъ изъ безапелляціоннаго вѣдѣнія каждаго государства и опять-таки передано на рѣшеніе третейскаго суда. «Въ случаѣ несогласія въ вопросѣ о томъ, затрагиваетъ ли возбужденное дѣло жизненные интересы одного изъ государствъ, рѣшеніе спора принадлежитъ Гаагскому третейскому суду. Это восстановленіе, имѣющее силу взаимнаго обязательства, значительно расширяетъ сферу компетенціи международнаго суда, который до сихъ поръ былъ великой затѣей для мелкихъ дѣлъ и въ международной жизни играть роль низшихъ судебныхъ инстанцій, разбирающихъ прежданскія недоразумѣнія «на сумму не выше 300 р.». Взаимныя обязательства Швеціи и Норвегіи впервые придаютъ Гаагскому суду реальное и безусловное значеніе въ правовой жизни народовъ.

Бакинські події. Оживлені торгівлі на базарі, 8 вересня. По фот. К. Булла, авт. «Ниви».

Бакинські події. Во внутрішньому дворі персидського консульства. Робітники-перси в очікуванні безкоштовної їжі.
По фот. К. Булла, авт. «Ниви».

Романъ Исидоровичъ Кондратенко, герой портъ-артурской обороны. По фот. авт. «Нивы».

зене тѣла съ парохода на вокзалъ, а 26 сентября въ 10 часовъ утра поѣздъ съ тѣломъ Р. И. Кондратенко подошелъ къ Николаевскому вокзалу въ Петербургъ, гдѣ уже собралась толпа народа, желавшаго отдать послѣдній долгъ нашему национальному герою.

Послѣ встрѣчи героевъ Чемульпо Петербургъ еще не видалъ болѣе величественнаго зрѣлища. Но тогда встрѣчали живыхъ, а теперь—усопшаго. Тогда война только-что начиналась, и въ лицѣ героевъ «Варяга» и «Корейца» мы привѣтствовали будущихъ такихъ же героевъ; мы заодно съ ними встрѣчали и чувствовали надежду на счастливый исходъ войны. Теперь было совсѣмъ не то! Надеждамъ этимъ не было суждено сбыться, и въ лицѣ покойнаго портъ-артурскаго героя-мученика мы встрѣтили единственную отраду, почти единственный истинный героическій образъ, освѣтившій намъ мракъ этой неудачной войны.

Памяти Р. И. Кондратенко.

(Съ 6 рис. и 2 портр. на стр. 798, 799 и 800).

26 сентября наша столица торжественно встрѣтила и проводила къ мѣсту послѣдняго упокоенія прахъ Р. И. Кондратенко.

Бранные останки портъ-артурскаго героя прибыли въ Одессу еще 18 сентября. На другой день послѣдовало переве-

Аналогія съ тою встрѣчею невольно приходила на умъ. И тогда, какъ теперь, моросилъ дождь, и хмурилось печальное петербургское небо. И тогда стояли шеренгами войска, шли депутаціи съ подношеніями, пестрѣла необозримая толпа народа, и гремѣла музыка. Но тогда было торжество радости, теперь же торжество печали!

Задолго до прибытія поѣзда, весь Николаевскій вокзалъ, вся Знаменская площадь и прилегающія улицы были наполнены народомъ. На вокзалѣ ожидали высокопоставленныя лица и депутаціи съ вѣнками, на улицахъ же простая публика,

Вдова почившаго героя, Н. Д. Кондратенко съ сыномъ. По фот. І. Шнейдера, авт. «Нивы».

Шествіе портъ-артурцевъ за гробомъ Р. И. Кондратенко. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Процессія съ прахомъ Р. И. Кондратенко, на пути къ вокзалу ж. д. въ Одессѣ. По фот. І. Шнейдера, авт. «Нивы».

Памяти Р. И. Кондратенко.

За гробомъ шла вдова покойнаго Р. И. Кондратенко, сынъ его, мальчикъ 9 лѣтъ, дочери дѣвочки, братъ его, полк. Кондратенко, и остальные родные.

Процессія съ депутациями, портъ-артурцами — сослуживцами покойнаго, и огромною толпою остальныхъ провожающихъ растянулась на цѣлую версту и двигалась между жилищами шпалерами народа. Когда она достигла лавры, лафетъ съ гробомъ проѣхалъ въ обитель, къ церкви св. Духа.

Здѣсь въ послѣдній разъ отпѣли незабвеннаго Р. И. Кондратенко. Трогательное и глубоко печальное было это богослуженіе! Въ послѣдній разъ надъ гробомъ почившаго вождя прозвучало похоронное пѣніе

не съ вѣнками, возложенными на гробъ Р. И. Кондратенко отъ гор. Одессы, Курской арміи, портъ-артурцевъ и мн. др. По фот. Шейдера, авт. «Нивы».

которой было немало народа, и видѣлись раненные воины съ георгиевскими крестами на груди. Въ 10 часовъ подошелъ поѣздъ, и цѣна вынесли огромный черный ящикъ съ кресломъ на верхней крышкѣ. Ящикъ поставили на лафетъ, положили на него вѣнковъ, остальные помѣстили на десяти колесницахъ, и процессія двинулась къ Александровской лаврѣ подъ стройными «Коль славенъ».

Гробъ съ прахомъ Р. И. Кондратенко, на пути къ Александровской лаврѣ (въ Петербургѣ). По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

и раздались слова тѣхъ грустныхъ молитвъ, которыя звучатъ надъ отходящимъ въ землю прахомъ. Останки героя, наконецъ, предавались землѣ послѣ почти годичнаго странствованія по далекимъ землямъ и необозримому океану...

Затѣмъ наступилъ и моментъ похоронъ. Вдали, среди могилъ, на кладбищѣ лавры замелькали группы военныхъ. Послышалось погребальное пѣніе. Нѣсколько рослыхъ унтеръ-офицеровъ съ трудомъ пронесли къ могилѣ пятидесятипудовый черный ящикъ, въ которомъ былъ помѣщенъ свинцовый гробъ съ останками покойнаго.

Гробъ медленно опустили въ могилу. Гдѣ-то уныло прозвучалъ рокожъ — сигналъ къ стрѣльбѣ, — и медленно тронули оружіе и ружейные залпы послѣднее военное «сти» военному герою

Процессія направляется отъ Николаевского вокзала (въ Петербургѣ) къ Александровской лаврѣ. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Памяти Р. И. Кондратенко.

Памяти Р. И. Кондратенко. Выносъ изъ церкви гроба съ прахомъ Р. И. Кондратенко къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, на кладбище Александро-Невской лавры. По фот. К. Булла, авт. «Нивы».

Надъ могилой поставили палатку для вѣнковъ (вѣнковъ было около двухсотъ), затѣмъ поставили простой бѣлый крестъ съ надписью: «Начальникъ 7-ой Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, генералъ-лейтенантъ Романъ Ивановичъ Кондратенко. Родился 30 сентября 1857 года. Убитъ при оборонѣ Портъ-Артура 2 декабря 1904 года».

Теперь, когда грустная эпопея портъ-артурской осады уже отошла въ область истории, и мы знаемъ всѣхъ ея дѣйствующихъ лицъ, когда рассказы очевидно обрисовали ту огромную роль, которую Р. И. Кондратенко игралъ въ дѣлѣ портъ-артурской обороны, становится яснымъ, что Р. И. Кондратенко былъ «душой обороны». Умеръ онъ—умеръ и духъ, оживлявшій защитниковъ Портъ-Артура, и крѣпость, если можно такъ выразиться, духовно пала. А вслѣдъ затѣмъ настало ея паденіе и фактическое.

Пока Р. И. Кондратенко былъ живъ, пока онъ, не зная отдыха, засыпая во время своего обѣда отъ усталости (какъ свидѣлствуютъ очевидцы), навѣщалъ крѣпостныя укрѣпленія и подбодрялъ гарнизонъ—тогда духъ не былъ еще потерянъ. А когда 2 декабря 1904 года до «фортамъ и блиндажамъ» разнеслась роковая вѣсть о его гибели, съ этого момента все было потеряно.

Скромный, деликатный, чрезвычайно трудолюбивый, Р. И. Кондратенко не умѣлъ и не желалъ выдаваться и рекламировать себя въ обычное время. Но когда настала война, когда наступила крайняя необходимость въ его талантѣ и знаніяхъ,

Тайный совѣтникъ В. С. Адикаевскій, членъ совѣта Главнаго Управления по дѣламъ печати. По поводу 50-лѣтія государственной службы.

онъ спокойно выступилъ на широкую арену и безъ всякихъ громкихъ заявленій и фразъ заставилъ вѣрить въ силу своихъ знаній и ставилъ признать себя авторитетомъ.

Онъ создалъ укрѣпленія Портъ-Артура съ чрезвычайнымъ умѣньемъ и выдержкой руководилъ всею обороною.

Но и тогда скромность, присущая его натурѣ, заставляла его замыкаться въ свои обязанности и не выдѣляться на томъ грозномъ покрывомъ кровью и дымомъ фонѣ, который выдѣлялъ такъ много бездарныхъ и тщеславныхъ фигуръ. О Кондратенко мы знали очень мало до самаго послѣдняго часа Портъ-Артура. О Кондратенко не кричали, не прославляли его на всѣхъ перекресткахъ. Да, время его знали и свято чтли чистый и истинный обликъ его лишь одни портъ-артурскіе страстотерпцы.

Кондратенко былъ истинно-русскій герой. Обыкновенно въ Россіи истинные военные герои не любятъ декоративности и выдѣлки, скромный, незамѣтный видъ, и только дѣла свидѣлствуютъ о ихъ героизмѣ. Нѣкоторые подвиги Кондратенко мы уже знаемъ и теперь, но о большинствѣ другихъ узнаемъ только тогда, когда исторія раскроетъ предъ нами въ необычайную, ужасную, ни съ чѣмъ еще несравнимую по тяжести портъ-артурскую эпопею.

И, вотъ, за героизмъ, за чистый нравственный обликъ, горѣвшій, какъ огонь, среди ужасовъ военного времени, за святость и мугу страдательскаго подвига мы и воздаемъ теперь отъ лица всей Россіи величій почеть славному имени Романа Исидоровича Кондратенко.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Испорченная натура. Повесть кн. М. В. Волконской. (Продолженіе). — Миръ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента). — Р. И. Сунки: у калитки. — Краденый поцѣлуй. — Антрактъ. — Вьюга. — Осень на позиціи. — Занятіе врачей Пензенскаго полка съ санитарями. — Собраніе въ головку незрѣлаго мака. — Похороны китаянки. — Выдача монгольскихъ лановъ (слитковъ серебра) стоимостью 109 руб. каждая. — Банинскія событія: 1) Крестъ на нефтномъ озерѣ. 2) Нефтняной пожаръ въ Балаханахъ. 3) Внутреннее нефтяное вышки. 4) Намѣстникъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ объѣзжаетъ мѣста, пострадавшіе отъ пожара. 5) Кража мазута (нефтняныхъ остатковъ). 6) Разгромленный магазинъ на Губернскаго улицѣ. 7) Нефтняныя цистерны. 8) Нефтняныя казы въ Баку. 9) Оживленіе торговли на базарѣ, 8 сентября. 10) Во внутреннемъ дворѣ персидскаго консульства. — Памяти Р. И. Кондратенко: 1) Романъ Кондратенко. 2) Вдова погибшаго героя, Н. Д. Кондратенко съ сыномъ. 3) Шестіе портъ-артурцевъ за гробомъ Р. И. Кондратенко. 4) Процессія съ прахомъ Р. И. Кондратенко, на пути къ вокзалу ж. д. въ Одессѣ. 5) Шестіе въѣзжамъ, возложенными на гробъ Р. И. Кондратенко отъ гор. Одессы, манчжурской арміи (съ Петербурга) къ Александро-Невской лаврѣ. 6) Гробъ съ прахомъ Р. И. Кондратенко, на пути къ Александро-Невской лаврѣ. 7) Похоронная процессія направляется съ Николаевской лавры (въ Петербургъ) къ Александро-Невской лаврѣ. 8) Выносъ изъ церкви гроба съ прахомъ Р. И. Кондратенко къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, на кладбище Александро-Невской лавры. — Тайный совѣтникъ В. С. Адикаевскій.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова“ книга 43.